искусственного оплодотворения. Вынашивание чужого ребенка разрешается второй жене. Таким образом, мусульманская религия, чтобы исключить кровосмешение и обеспечить законную родственную связь, разрешает прибегать к искусственному деторождению только законным супругам и с взаимного их согласия.

Поводя итог, отметим, что этика и биоэтика классического ислама носят социально ориентированный, практичный характер.

Основными принципами являются справедливость, гуманизм, священность человеческой жизни, общественная польза, общее благо, благополучие и т.п. Ислам стремится удерживать людей от зла, от дурного и вредного ради всеобщей пользы и благополучия. Любые научные успехи и достижения в области медицинских технологий, как признают все мусульмане, не должны вступать в противоречие с источниками ислама - Кораном и Сунной, ибо «Бог ниспослал самое лучшее учение-писание с иносказательными, с повторяющимися чтениями». Таким образом, в исламском мире нравственно-этические нормы определяются религиозными представлениями, которые являются доминантой всей социальной жизни.

Литература

1. Бычкова О.И. Этика и право в отношениях врача и пациента в военной медицине // Военно-медицинский журнал. 2018. Т. 339. № 9. С. 11-15.
2. Доника А.Д. Этическое образование в медицинском вузе: европейская практика // Биоэтика. - 2018. - № 2(22). - С.31-34
3. Доника А.Д. Биоэтика в национальной системе медицинского образования: европейские аргументы // Размышления о Человеке. Научные статьи профессоров, преподавателей, докторантов и аспирантов кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины. Под редакцией Н.Н. Седовой. Волгоград, 2018. С. 165-171
4. А.Ахмедов. Социальная доктрина ислама. М.: Политическая литература. 1982.
5. А. Массэ. Ислам. Изд. 3-е. М., 1982.
6. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967.
7. Ebrahim AFH (2000) The living will (Wasiyat Al-Hayy): a study of its legality in the light of Islamic jurisprudence. Med Law 19:147-160.
8. Коран (пер. с араб. Г.С. Саблуков). Третье изд. Казань. 1907.
9. Малуковский М.В. Журнал «Аль-Манар» как источник для изучения мусульманской реформации в Египте. – Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. XIX. М. 1956.
10. Мухаммад али аль- Хашими. Личность мусульманина. М. 1999.
11. Седова Н.Н. Биоэтика: учебник /Н.Н. Седова. – М.: КНОРУС, 2016.
12. Шейх Мухаммад Салих аль Мунаджид. Фетва об искусственном оплодотворении (Электронный ресурс) // Ислам: вопрос и ответ (Офис. Сайт) – 1997-2013. – URL <http://islamda.com/ru/ref/3474>.
13. Donika A.D. The study of professional deformations of doctors as deviations of their professional role // International Journal of Pharmacy and Technology. 2016. Т. 8. № 2. С. 13746-13761.
14. Sedova N.N. Methodology connection between bioethics & law. В книге: 23rd Annual Congress of World Association for Medical Law Book of Abstracts. 2017. С. 99.

References:

1. Bychkova O.I. Etika i pravo v odnosheniyakh vracha i patsiyenta v voyennoy meditsine // Voyenno-meditsinskiy zhurnal. 2018. T. 339. № 9. S. 11-15.
2. Donika A.D. Eticheskoye obrazovaniye v meditsinskom vuze: evropeyskaya praktika // Bioetika. - 2018. - № 2(22). – S.31-34

3. Donika A.D. Bioetika v natsionalnoy sisteme meditsinskogo obrazovaniya: evropeyskiye argumenty // Razmyshleniya o Cheloveke. Nauchnyye stati professorov, prepodavateley, doktorantov i aspirantov kafedry filosofii, bioetiki i prava s kursom sotsiologii meditsiny. Pod redaktsiyey N.N. Sedovoy. Volgograd. 2018. S. 165-171.

4. A. Akhmedov. Sotsialnaya doktrina islama. M.: Politicheskaya literatura. 1982.
5. A. Masse. Islam. Izd. 3-e. M., 1982.
6. David R. Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti (sravnitelnoye pravo). M., 1967.
7. Ebrahim AFH (2000) The living will (Wasiyat Al-Hayy): a study of its legality in the light of Islamic jurisprudence. Med Law 19:147-160.
8. Koran (per. s arab. G.S. Sablukov). Tretye izd. Kazan. 1907.
9. Maluykovskiy M.V. Zhurnal «Al-Manar» kak istochnik dlya izucheniya musulmanskoj reformatsii v Egipte. – Kратkiye soobshcheniya Instituta vostokovedeniya. Vyp. KhIKh. M. 1956.
10. Mukhammad ali al- Khashimi. Lichnost musulmanina. M. 1999.
11. Sedova N.N. Bioetika: uchebnik /N.N. Sedova. – M.: KNOРУS. 2016.
12. Sheykh Mukhammad Salikh al Munadzhid. Fetva ob iskusstvennom oplodotvorenii (Elektronnyy resurs) // Islam: vopros i otvet (Ofits. Sayt) – 1997-2013. – URL <http://islamda.com/ru/ref/3474>.
13. Donika A.D. The study of professional deformations of doctors as deviations of their professional role // International Journal of Pharmacy and Technology. 2016. Т. 8. № 2. С. 13746-13761.
14. Sedova N.N. Methodology connection between bioethics & law. В книге: 23rd Annual Congress of World Association for Medical Law Book of Abstracts. 2017. С. 99.

УДК 618.2 + 316.7

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКОГО В БИОМЕДИЦИНЕ: ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Б.Б. Дондокова

к. филос. н, доцент, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военно-Медицинская академия им С.М. Кирова. Санкт-Петербург, lira-81@mail.ru

В статье описываются социокультурные основания репрезентации женского в биомедицине. Актуальность темы связана с расширением медицинского вмешательства в воспроизводство человека и распространением вспомогательных репродуктивных технологий. Эти тенденции опираются на достаточно укорененную социокультурную трактовку женского начала как пассивного, страдательного материального начала. Антропология женского тела сводится только к ее способности к деторождению. Трансформация подобного отношения к женской способности к деторождению отражается в работе Ирины Аристарховой «Гостеприимство матрицы». Основным вектором преобразования выступает позиция восстановления субъектности женщины в ее телесном воплощении. Автором подчеркивается важность многообразия женской субъектности во всем богатстве возможного опыта.

Ключевые слова: матрица, деторождение, женщина, телесность, субъектность.

SOCIO-CULTURAL REPRESENTATIONS OF FEMALE IN BIOMEDICINE: TRANSFORMATION VECTORS

B.B. Dondokova

Candidate of Philosophical Sciences, associate professor, teacher of the department of social science, Military Medical Academy named after S.M. Kirov, St. Petersburg, lira-81@mail.ru

The article describes the sociocultural basis of representation of the feminine in biomedicine. The relevance of the topic is associated with the expansion of medical intervention in human reproduction and the proliferation of assisted reproductive technologies. These tendencies are based on a rather entrenched sociocultural interpretation of the feminine as a passive material principle. The anthropology of the female body is reduced only to its ability to bear children. The transformation of this attitude to the female ability to bear children is reflected in the work "Hospitality of the Matrix" by Irina Aristarkhova. The main vector of transformation is the position of restoring the subjectivity of a woman in her corporal incarnation. The author emphasizes the importance of the diversity of female subjectivity in all the richness of corporal experience.

Keywords: matrix, childbearing, woman, corporality, subjectivity.

Еще Георг Зиммель, рассуждая о существовании и предназначении автономной женской культуры, сформулировал знаковый для двадцатого века исторический вопрос: что могут создать женщины и чего не могут создать мужчины? В двадцатом столетии женское движение стремилось к выражению творческой субъектности путем создания собственной культурной системы. Нередко это стремление приобретало довольно устойчивую форму протеста и бунта против традиционных сфер общественной жизни и культуры, где женщина может себя проявить как творческий субъект, - медицины, воспитания, домохозяйства, духовного материнства.

Женщины активно доказывали свою самостоятельность и дееспособность в мужских сферах деятельности – армии, политике, науке, технике. Оценивая результаты этого движения, невозможно не заметить, что женщины потерпели своеобразное поражение. Об этом свидетельствует и статистика, и многочисленные социологические исследования. Здесь сложно не согласиться с М. Мид в том, что «вклад женской одаренности представляет собой очень сомнительную ценность, если приход женщин в те сферы, которые определялись как мужские, пугает мужчин, лишает женщин женственности, заглушает и искажает тот вклад, который женщины могли бы внести, - их присутствие либо исключает мужчин из профессии, либо меняет свойства мужчин, которые в нее приходят». В современном обществе принцип фаллокрации, основанный на жесткой оппозиции мужского и женского, конкурирует с принципом половой неопределенности.

О сложившейся ситуации Чеснов пишет: «Современная массовая культура ведет титаническую борьбу за вмещенность телесности всеми доступными средствами против культурно нормированной бестелесности. Широко обсуждаемый кризис состояния общества – философско-антропологический факт, понимание которого ускользает без внимания к этосу телесности» [4]. Природная обусловленность женской субъектности проявляется в ее ярко выраженной обусловленности телесностью, конституирующей

социальность. Созидание и преобразование женской телесности составляет фундаментальный вектор ее творческой активности. В этом контексте целесообразно проанализировать антропологические основания опыта женской телесности.

Проблема телесности в философско-антропологическом контексте исследуется в трудах М. Мерло-Понти, В. Подороги, Я.В. Чеснова, П.Д. Тищенко. Телесность как культурный феномен изучается в трудах М.Фуко, М.Бахтина, Д.В. Михеля и др. Важнейшим выводом в данных исследованиях является понимание, что антропологические основания того, как тело мыслит само себя, влияют на снижение субъектности и входят в противоречие с ее классическим пониманием.

Телесность в данных исследованиях агональна, страдательна, перформативна, виртуальна, обладает скрытой ценностью, нестабильна, динамична и относительно независима.

Наконец, телесность титанична. В то же время: «женская телесность вторична по отношению к каменно-скальной световой телесности мужского породительного начала». Гипотетичными в этом ракурсе являются предположения об отрицании в телесности женщины ее субъектности и глубокой обусловленности ее субъектности телесностью.

Фундаментальным тезисом, выдвигаемым в исследовании женской телесности в культурно-антропологических изысканиях, является постулат о целостности телесности женщины в противовес функционально определенной телесности мужчины. Чеснов пишет, что женское тело обладает целостностью в отличие от мужского тела, которое обладает большей функциональностью и в деятельности проявляет различным образом в зависимости от типа и места действия. «Антропология женского тела иная – оно цельное, а не разятое. Оно может в себя включать несоматические части на манер костяной ноги у Бабы-Яги, но при этом оставаться единым объемом».

Эта целостность обеспечивается ее традиционной сосредоточенностью и локализацией в доме. Ее жизнепорождающая функция делает ее одним органом. Способность даровать жизнь отождествляет ее с потенциальной бесконечностью, требующей установления пределов и сдерживания инфляции. Соответственно, здесь внимание исследователей при обсуждении женской субъектности сосредотачивается при обсуждении детородной функции женщины преимущественно на физиологических основаниях. В современной биомедицине эта функция рассматривается в контексте изучения и последующего воспроизведения органической среды, в которой возникают и развиваются клетки/органы/организмы. Мать в биотехнологических манипуляциях предстает как порождающее пространство - матрица, ценность которого сводится к его способности давать начало производства и материи как таковых.

Такое видение является весьма характерным для античной традиции толкования мужского и женского начал. Довольно точно эта традиция воспроизведена В.В. Библихиным в работе «Лес», где мужское — идеальное, историческое, эйдетическое, а женское – материя, мать. Материя нуждается в мужском, как в неуловимом, последнем штрихе, придающим материи полноту эйдоса – формы. В современной биомедицинской практике место

мужского занимает исследователь в комплексе взаимосвязей с технологическим инструментарием и опытом специальных знаний, воздействующим на материю. Пассивность материнского безусловна. Вопрос о возможности женской субъектности становится невозможным в заданной системе понятий. Несколько иная трактовка содержания фундаментальных понятий разрабатывается Ириной Аристарховой в работе «Гостеприимство матрицы». Она рассматривает триаду понятий материя – мать – матрица в их генезисе и внутренних связях, обуславливающих различные возможные интерпретации.

Матрица интерпретируется как точка отсчета, изначальное место – пространство возникновения и становления. Как указывает Аристархова, «матрица является не только порождающей как пространство, но в своих обновленных отношениях, порождает пространство, делая его возможным для других».

В своих исходных состояниях матрица и ее порождающая способность рассматриваются не только как пассивная данность, проявляющаяся в функциональной определенности центрального органа женского организма – матке, но и как деятельная способность и, собственно, активная позиция гостеприимства по отношению к плоду.

Аристархова пишет, что «мать является родительницей не только ребенка, но самого пространства порождения, то есть самой себя как порождающего пространства, до и после рождения ребенка». Необходимо уточнить, что гостеприимство – это не естественная данность, а именно действенная стратегия материнского отношения, создаваемая целенаправленно самой матерью.

Таким образом, очевидно, что «телесность предстает как динамический мысле-образ, меняющий свою символику при четкой вписанности в пространство и время»[4]. Феномен мыслимого тела трактуется Чесновым как антропологическая нравственная конфигурация, которая создается на основе культурных образов телесности. Последние, в свою очередь, представляют относительно самостоятельные позиции в антропологической реальности культуры.

Необходимо понимать, что культура достраивает телесность на уровне символических связей между конкретным телом, мышлением тела и социокультурным образом телесности, поскольку фрагментарность восприятия тела требует своего преодоления. Соответственно, опыт телесности женщины нельзя рассматривать только как пассивный, обусловленный биологической достоверностью жизнепорождающей способности. Поэтому так важны культурные образы женской субъектности, достраивающую женскую телесность именно в этой ее фундаментальной ипостаси.

Очевидно, что деятельностная характеристика материнства расширяет и углубляет традиционную трактовку целостности и природной пассивности женской телесности. Выявленный вектор трансформации представлений о женской телесности направляется на воссоздание субъектной позиции женщины в рамках общей культуры. Созидательная способность женской телесности требует своего полноценного осмысления в единстве природной и деятельностной интенций.

Литература.

1. Аристархова И. Гостеприимство матрицы: философия, биомедицина, культура/ Пер. с англ. Д.Жайворонка; Вступит. ст. А.Митрофановой. – СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. – 368 с.
2. Биbihин В. В. Лес. – СПб: Наука, 2011. – 425 с.
3. Мид, М. Мужское и женское. Исследования полового вопроса в изменяющемся мире. – М.: РОССПЭН, 2004. – 416 с.
4. Чеснов, Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание/ Я.В.Чеснов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2007. – 216 с.

References:

1. Aristarhova I. Gostepriimstvo matricy: filosofiya, biomedicina, kul'tura. Per. s angl. D.ZHajvoronka; Vstupit. st. A.Mitrofanovoj. SPb: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2017. 368 s.
2. Bibihin V. V. Les. SPb: Nauka, 2011. 425 s.
3. Mid, M. Muzhskoe i zhenskoe. Issledovaniya polovogo voprosa v izmenyayushchemsya mire. M.: ROSSPEHN, 2004. 416 s.
4. CHesnov, YA.V. Telesnost' cheloveka: filosofsko-antropologicheskoe ponimanie. YA.V.CHesnov; Ros. akad. nauk, In-t filosofii. M.: IF RAN, 2007. 216 s.